

бьются сердце и мысль христианина, и Фудель, безусловно, подарил бы нас блестящей интерпретацией этого сложного произведения, если бы оказался — доверчивее. Если бы не поторопился объявить вещь лишенной художественных достоинств, не обнаружив в ней с ходу «выведенной необходимости веры», — но, увидев в ней очевидную художественную ценность, доискался бы с терпением христианского ее смысла.

II. СЕРГЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ. Улыбающийся Иисус. Русская литература и новозаветное Благовестие. Статья первая. — «Ex libris НГ», 1998, 16 апреля. Статья вторая. — «Ex libris НГ», 1998, 23 апреля.

Перед нами очередное безнадежное (по признанию самого автора) предприятие в двух частях. На двух газетных страницах Сергей Земляной попытался «сформулировать некоторые духовные итоги XX века. Какими они видятся в России и исходя из России. С одним общекультурным выводом из них». Далее — абзац, могущий служить образцом стиля всей статьи: «Мне нечем прикрыть наготу и странность (чуть ли не дзэнскую, но тем не менее христиански причиненную) моей затеи — осуществить эту попытку в виде бабочки. То есть однодневки — газетной статьи. Кроме разве что не вполне искреннего убеждения: коль скоро времена исполнились, итоги будут итожиться, а вывод выводиться. И они вместились в этот газетный хронотоп. В этот исторически и топологически проблематичный хронотоп. Хотя, впрочем, утренняя газета есть секуляризированная утренняя молитва».

Насчет хронотопа не знаю, а места, конечно, маловато. И на этом месте многовато изысков, по поводу которых как-то навязчиво припоминается цитата из «Москвы — Петушков», когда белесая искусительница говорит Вене: «Я одну вашу вещь — читала. И знаете: я бы никогда не подумала, что на полсотне страниц можно столько нанести околесицы. Это выше человеческих сил!»

Я не ставлю себе безнадежной задачи на двух журнальных страницах разобраться со всем тем, что очаровательная

Веничкина героиня гармонически назвала околесицей. Хотя на что-то указать — и то хорошо. Но начать хочу с малости и ерунды — с последнего предложения процитированного абзаца. Все же перед нами философская статья сотрудника Института философии РАН, и интересно посмотреть, куда философа может завести безответственная игра словами.

«Газета есть секуляризированная утренняя молитва». Секуляризированная — то есть мирская, светская или языческая. То есть остановленная в пределах этого мира, без желания и ожидания ответа. Без обращения, без зова, без Другого. Хороша молитва. Ладно, скажем — медитация. Но медитация предполагает сосредоточение и вникание в немногие предстоящие слова (образы, символы). Газета предполагает решительное рассредоточение, потерю себя в словах, которых бесконечно много, которые отвлекают человека от всего, на чем ему следовало бы сосредоточиваться. Газета — печатный заместитель сплетницы-соседки по коммунальной квартире. То есть — ровно обратное авторскому определению.

Можно, конечно, сказать: «Чего пристала? Неудачно пошутил человек». Но мне кажется, что если человек решает вкратце сформулировать духовные итоги XX века, предлагая, как уже было сказано, на двух газетных страницах «читателям свой отклик на Новый Завет вместе со всей русской литературой», то даже проходные шутки у него должны быть значительны: или хотя бы хоть что-то значить — или хотя бы не значить противоположного тому, что имеет в виду автор.

Впрочем, по мере углубления в текст становится не до шуток.

Дело в том, что русской литературе предъявляется обвинение в «художественном растлении Иисуса, Богородицы, Троицы» в течение ста пятидесяти лет. Обвинение это подкрепляется чудовищными фактами, и главное, как в известном судебном деле Мити Карамазова, — подавляющей совокупностью фактов. Но как и в упомянутом деле, почти каждый факт при ближайшем рассмотрении оказывается либо весьма сомнительным, либо не идущим к делу, либо — прямой фальсификацией. Так, например, обвинение «гениальному

русскому поэту Александру Блоку» по поводу «стихотворения из итальянского цикла о Богородице и ее поэтически-монашеских воздыхателях» (о стиле — больше ни слова) весьма сомнительно по одной простой причине: перед нами описание западной, католической традиции отношения к Богородице (и Христу), отношения — в своих крайних проявлениях — чувственно-страстного и породившего много уклонений (в том числе — и среди русских писателей, то есть уклонений, отразившихся и в русской литературе, но вряд ли без весьма сложных опосредований могущих быть отнесенными к ее традиции). Это тема очень непростая, со своими тайнами, глубинами и подводными камнями, так что и прикоснуться походя страшно, но автор, кажется, не замечая ни глубин, ни камней, ни самой темы, стремительно пронесется к следующему обвиняемому — им оказывается «крупнейший православный богослов Сергей Булгаков». Поскольку в данном случае перед нами прямая фальсификация, цитирую полностью.

Итак, Булгаков «в своем коронном „Свете невечернем” разъяснял, что „Православная Церковь чтит зачатие Богоматери... но в то же время не изъе́млет этого зачатия из общего порядка природы, не провозглашает его „непорочным” в католическом смысле». Поскольку выше речь шла о «растлении» Богородицы, то читателю внушается, что в «своем коронном „Свете невечернем» Булгаков походя создает некую мини-«Гавриилиаду», отрицая непорочное зачатие (страшно сказать) Богородицей Иисуса Христа, причем при прямом одобрении Православной Церкви. Между тем у Булгакова речь идет о зачатии Богоматери ее родителями, Иоакимом и Анной, и подробно разбираются причины отвержения Православной Церковью этого нового (1854 год) католического догмата. Строка, пропущенная автором в приведенной цитате, как раз и проясняет истинное положение дел.

Второе обвинение отцу Сергию Булгакову Сергей Земляной бросает, солидаризировавшись с «мирянином П. Савицким», недоумевавшим, по словам Земляного, «в связи с „сексуальной” трактовкой богословом отношений Софии с Ипостасями Троицы». Сам Са-

вицкий пишет с большим вниманием к словам и стремлением понять предмет разговора: «В приведенных Ваших суждениях... не совсем преодолены эротические соблазны, присущие человеческому слову... Взятые слова под нотным ключом физиологического значения».

Проблема ортодоксальности софиологии рубежа веков — действительно серьезная проблема. Именно поэтому она требует к себе вдумчивого отношения. В ней мало самоочевидного. В частности, совсем не так прост и вопрос об «употреблении слов». Хорошо известно, что отцы Церкви (например, Дионисий Ареопагит в сочинении «О божественных именах»), говоря о том, что Бог есть Любовь, использовали не сравнительно нейтральное «агапэ», но «эротос», обозначавшее (и посейчас обозначающее в самых разных языках) любовь страстную. Однако именно это слово требовалось им для именования Господа, ибо Он есть Любовь творческая, создающая, ревностная и ревнивая — словом, такая, которая может быть названа лишь словом, включающим в себя всю полноту любви как она есть.

С тяжелым чувством сообщаю, что мы еще не дошли до конца второго столбца первой страницы. Вообще, лавина одичавших сведений, хлещущая из статьи на читателей, такова, что мне на ум приходит лишь одно сравнение и воспоминание — о конце кадавра, не удовлетворенного желудочно («Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких).

Все это, мягко говоря, не совсем незнакомо. Подвергнутая обструкции и деструкции русская литература давно нашла этому феномену наименование. Хлестаковщина. Но бессмертный Хлестаков умер бы от стыда, прочитав разбираемую статью. Потому что он-то писателей по плечу хлопал, а наш автор — все больше по головам. Подумаешь, «ну что, брат Пушкин?». Тут мы слышим: «Ничего, ничего, брат Иисус...»

Идея Земляного — поставить в центр русской литературы улыбающегося Иисуса. Хорошая идея, но не поражающая. В конце концов, в центре всей русской культуры, Русской идеи и «русской души» — знаменитые русские средневековые иконы «Распятие» с Христом, распахнувшим объятия всему миру и — улыбающимся. Вот описание

одной из таких икон: «Не мертвой отрешенностью и не предсмертной мукой исполнен мягко склоненный лик Иисуса Христа, хотя печать пережитых страданий лежит на нем. Удивительно слита она с живым выражением просветленного, радостного умиротворения».

Но скоро читатель замечает, что у Сергея Земляного улыбка Иисуса какая-то не такая. Какая-то желчно-ироническая. Улыбался Он, по Земляному, тогда, когда говорил Петру: «Отыди от Меня, Сатана», — или предрекал ему же троекратное отречение прежде, чем пропоет петух.

«Но ведь и Иисус не ошибся, утвердив дело Свое на этой Петровой скале, — продолжает автор. — Вот я и веду к тому, что не мог Спаситель заниматься своей работой без улыбки».

Продолжать можно почти бесконечно — впереди еще Пушкин и Блок; апостол Павел, намеренно проигнорированный Достоевским, и Ницше, оценивший последнего выше Ренана...

У Некрасова, говорят, был хороший редакторский прием. Надоевший бесконечный роман он обрывал в первом попавшемся месте и писал: «Все утонули».

Татьяна КАСАТКИНА.

*

ГОЛОС НАРОДА. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 — 1932 гг. М., «РОССПЭН», 1998, 328 стр.

Издательский консорциум в составе Института российской истории РАН, Федеральной архивной службы РФ, Российского государственного архива экономики и издательства «РОССПЭН» основал серию «Социальная история России XX века», в которой исторические события оживают под пером самих их участников — рядовых граждан. В данной, первой по счету, книге серии под указанным углом зрения освещаются периоды Гражданской войны, «военного коммунизма», нэпа, индустриализации и коллективизации, что в совокупности получило тогда название «строительства социализма в одной отдельно взятой стране».

Традиция апеллировать по разным

поводам в письменной форме к властям, делиться с ними (подчас — «на свою голову», расплачиваясь за это) своими проблемами, выражать себя — один из феноменов, типичный для постреволюционной России, не исключая, впрочем, и нынешнее время (на Западе подобное явление общественной жизни практически неизвестно). Привлекательная, хотя и декларативная, обманная, несбыточная цель — жить при более справедливом, чем прежний, строе — не могла не генерировать всплеска эпистолярной активности простого человека. Многое, конечно, пропало, но кое-что до нас дошло и хранится в архивных фондах отечества.

В книге превалируют письма в «Крестьянскую газету» (она выходила с 1923 по 1939 год), их сберег создатель и редактор этого органа и одновременно (с 1929 года) нарком земледелия Я. А. Яковлев.

Неотъемлемым элементом замысла книги являлось воссоздание образа управителя во всей его «первозданности», поэтому опусы «народных публицистов» даны как они есть (что называется, «в авторской редакции») или же максимально близко к оригиналам — когда последние были сугубо «непубликабельными» по их малограмотности. Из ряда писем по одному и тому же предмету обсуждения составители отбирали те, в которых содержался анализ конкретного случая, происшествия, а не общие рассуждения, — прием, способствующий повышению читательского интереса к документам. (Этим же продиктовано и купирование некоторых писем, хотя видеть обозначения таких купюр досадно.)

В книге широко представлены также так называемые «сводки писем», составление которых активно практиковалось различными властными институтами (ОГПУ, парткомы, комсомолы, спецотделы совучреждений), а также редакциями как массовых печатных изданий, так и тех, которые до недавнего времени имели разные грифы секретности. Общественная атмосфера лет, когда советские люди жили, «под собою не чуя страны», была такой, что «сводок писем» боялись, «как бомбы, как ежа, как бритвы обоюдоострой», поскольку туда предписывалось включать материалы негативного содержания (ведь граждан